

СТЕНДАЛЬ

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

АЗБУКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
С 79

Перевод с французского Анастасии Чеботаревской

Серийное оформление Евгения Савченко

Стендаль

С 79 Красное и черное : роман / Стендаль ; пер. с фр. А. Чеботаревской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 576 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-05088-4

Роман Стендаля «Красное и черное» — общепризнанный литературный шедевр девятнадцатого века. Известно, что А. С. Пушкин, прочтя в 1831 году по-французски первый том литературной новинки, пришел в восторг и умолял княгиню Хитрово срочно прислать ему второй.

Сюжетом о честолюбивом и талантливом юноше, выходец из низов, зачитывались А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, Л. Н. Толстой. Придя к заключению, что «в наш век деньги — все», юный Жюльен Сорель приступает к своеобразному социальному восхождению и, в сущности, сравнительно легко добивается поставленных целей. Среди множества предположений о значении романа «Красное и черное» можно найти версию, по которой Стендаль замаскировал под тайными цветами два чувства, бушующих в душе честолюбивого юноши: страсть как душевный порыв, как безотчетное влечение и честолюбие, сопряженное с жадной славой, признания любой ценой. Взаимпроникновение и борьба этих чувств составляют внутреннюю интригу романа Стендаля.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-05088-4

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2012
Издательство АЗБУКА®

I

Маленький город

Put thousands together

Less bad

But the cage less gay.

*Hobbes*¹

Городок Верьер, пожалуй, можно назвать одним из самых живописных городов Франш-Конте. Белые домики с остроконечными красными черепитчатыми крышами тянутся по склону холма, все контуры которого обозначены группами могучих каштанов. Река Ду протекает в нескольких сотнях шагов от городских укреплений, когда-то воздвигнутых испанцами, а теперь представляющих груды развалин.

С северной стороны Верьер защищен высокой горой, одним из отрогов Юры. Вершины Верьера покрываются снегом с первыми октябрьскими холодами. Поток, устремляющийся с гор, пересекает Верьер раньше своего впадения в Ду и приводит в движение множество лесопилен; это очень несложное ремесло, однако доставляет порядочный заработок большинству жителей — скорее крестьян, чем горожан. Впрочем, не лесопильни обогатили этот городок. Своим процветанием город обязан фабрике ситцев, называемых мюлузскими; только при ее посредстве, после падения Наполеона, жители отстроили заново фасады почти всех домов Верьера.

Лишь только вы въезжаете в город, вас оглушает грохот шумной и страшной на вид машины. Двадцать тяжелых молотов опускаются с грохотом, от которого содрогается мостовая, их поднимает колесо, приво-

¹ Соберите вместе тысячи людей — оно как будто неплохо. Но в клетке им будет не весело. *Гоббс*.

димое в движение водою потока. Каждый из этих молотов производит ежедневно несколько тысяч гвоздей. Молоденькие хорошенькие девушки подставляют под удары огромных молотов крохотные кусочки железа, моментально превращаемые в гвозди. Это производство, столь грубое на вид, больше всего поражает путешественника, впервые проникшего в горы, отделяющие Францию от Гельвеции. И если при входе в Верьер путешественник любопытствует, кому принадлежит эта великолепная фабрика гвоздей, оглушающая людей, идущих по Большой улице, — ему ответят с местным протяжным акцентом: «Э! она принадлежит господину мэру».

Если путешественник замешкается хоть ненадолго на Большой улице Верьера, которая подымается от берега реки до самой вершины холма, можно не сомневаться, что он встретит высокого человека с озабоченным и значительным выражением лица.

При виде его все тотчас приподнимают шляпы. У него седоватые волосы, одет он в серое. Он кавалер многих орденов; у него большой лоб, орлиный нос, вообще черты его достаточно правильны: даже с первого взгляда кажется, что в этом лице достоинство сельского мэра соединено с некоторой привлекательностью, еще свойственной людям в возрасте от сорока восьми до пятидесяти лет. Но вскоре путешествующего парижанина неприятно удивит выражение самодовольства и тщеславия, за которым угадывается ограниченность и тупость. И наконец чувствуешь, что способности этого человека сводятся к умению заставлять выплачивать себе чрезвычайно аккуратно то, что ему должны, самому же платить как можно позже...

Таков мэр Верьера, господин де Реналь. Перейдя улицу важной поступью, он входит в мэрию и исчезает из глаз путника... Но если тот продолжит свою прогулку, он увидит, поднявшись на сотню шагов, очень красивый

дом и, сквозь примыкающую к нему железную решетку, великолепные сады. Выше линию горизонта образуют холмы Бургундии, которые будто специально созданы ради утехи глаз. Этот вид заставляет путешественника позабыть об отравленной стяжательством атмосфере, которая начинает его душить.

Ему сообщают, что этот дом принадлежит господину де Реналю. Мэр Верьера обязан этой прекрасной каменной постройкой, отделка которой уже завершается, доходам со своей гвоздильной фабрики. Говорят, что господин де Реналь происходит из древнего испанского рода, будто бы поселившегося в этих краях еще задолго до завоевания их Людовиком XIV.

После 1815 года он стыдится того, что он промышленник: в 1815 году его избрали мэром Верьера. Каменные террасы, поддерживающие различные части этого великолепного сада, который спускается уступами к реке, также обязаны своим происхождением успехам господина де Реналья в железном производстве.

Не надейтесь встретить во Франции живописные сады, подобные тем, что окружают промышленные города Германии — Лейпциг, Франкфурт, Нюрнберг и прочие. Во Франш-Конте чем больше воздвигают зданий, чем больше обносят свои поместья каменными стенами, тем более приобретают уважение соседей. Сады господина де Реналья, обнесенные оградами, возбуждают восторг, ибо мэр приобрел за огромную цену клочки земли, которые они занимают. Например, лесопильня, странное положение которой на берегу Ду поразило вас при въезде в Верьер и на которой вы заметили имя Сорель гигантскими буквами на доске над крышей, занимала шесть лет тому назад место, где теперь возводят четвертую террасу садов господина де Реналья.

Несмотря на свою гордость, господину мэру пришлось-таки немало обхаживать этого старика Сореля, упрямого и тяжелого мужика; и немало пришлось ему отсчитывать звонких червонцев, прежде чем он добился

переноса лесопильни в другое место. Что же касается *общественного* ручья, приведившего в движение лесопильню, то господин де Реналь, пользуясь своими связями в Париже, добился того, что его отвели в новое русло. Это свидетельство расположения он получил после выборов в 1824 году.

Он уступил Сорелю четыре арпана за один, пятьюстами шагами ниже по берегу Ду. И хотя новое расположение было гораздо выгоднее для производства еловых досок, папаша Сорель, как его называют с тех пор, как он разбогател, сумел извлечь из нетерпеливости и мании *собственника*, обуявшей его соседа, кругленькую сумму в шесть тысяч франков.

Правда, эта сделка критиковалась местными умниками. Однажды, в воскресный день, четыре года тому назад, господин де Реналь, возвращаясь из церкви в костюме мэра, увидел издали старика Сореля в окружении своих троих сыновей, смотревшего на него с усмешкой. Эта усмешка отметила роковой день в душе господина мэра, и с тех пор он думает, что мог бы совершить обмен на более выгодных условиях.

Чтобы добиться общественного уважения в Верьере, самое главное — это не принимать, занимаясь постройками, никаких планов, предлагаемых итальянскими каменщиками, переходящими весною через ущелья Юры по пути в Париж. Подобное новшество снискало бы неосмотрительному строителю вечную репутацию *сумасброда*, и он навсегда погиб бы в глазах умеренных и благоразумных людей — заправил мнений во Франш-Конте.

В сущности, эти благоразумные люди практикуют здесь самый несносный *деспотизм*; это скверное слово делает невыносимым пребывание в маленьких городках того, кто жил в большой республике, именуемой Парижем. Тирания мнений — и каких мнений! — так же нелепа во французской провинции, как и в Соединенных Штатах Америки.

II

Мэр

L'importance! Monsieur, n'est-ce-rien? Le respect des sots, l'ébahissement des enfants, l'envie des riches, le mépris du sage.

*Barnave*¹

К счастью для репутации господина де Реналья как лица административного, городу потребовалось сооружение ограды для места общественного гулянья, расположенного вдоль холма в сотне футов над течением Ду. Именно своему удачному положению это место обязано тем, что оно представляет один из самых живописных видов во всей Франции. Но каждую весну дождевые потоки бороздили место гулянья и, прорывая углубления, делали затруднительными прогулки. Это неудобство, ощущаемое всеми, поставило господина де Реналья в счастливую необходимость увековечить свое правление возвышением стены в двадцать футов вышиною и в тридцать—сорок сажень длиною.

Парапет этой стены, ради которой господин де Реналь должен был совершить трижды путешествие в Париж, ибо предпоследний министр внутренних дел заявил себя смертельным врагом верьерского *променада*, возвышается теперь на четыре фута над уровнем земли. И словно в насмешку над всеми министрами, настоящими и бывшими, теперь его украшают плиты тесаного камня.

Сколько раз, вспоминая о балах недавно покинутого Парижа, облокотившись на эти огромные глыбы великолепного синевато-серого камня, я устремлял взор в долину Ду! Там, на левом берегу, извивались пять-шесть долинок, в глубине которых взгляд различал изгибы

¹ Престиж! Как, сударь, вы думаете, это пустяки? Почет от дураков, глазеющая в изумлении детвора, зависть богачей, презрение мудреца. *Барнав*.

ручейков. Падая с уступа на уступ каскадами, они вливаются наконец в реку. Солнце сильно палит в этих горах. Когда лучи его отвесны, мечты путника влечет к себе эта терраса великолепными платанами. Своею чудною синеватою зеленью и быстрым ростом они обязаны наносной земле, которою господин мэ́р обложил громадную террасу; ибо, несмотря на оппозицию муниципального совета, он расширил *променад* более чем на шесть футов (хотя он ультраконсерватор, а я — либерал, но я его за это хвалю), и потому, по мнению его и по мнению господина Вально, благоденствующего директора дома призрения Верьера, эта терраса может выдержать сравнение с известною террасою в Сен-Жермен-ан-Ле.

Что касается меня, то я нахожу только один недостаток в этом *Бульваре Верности*, — это официальное название красуется в пятнадцати—двадцати местах на мраморных досках, снискавших еще один лишний орден господину де Реналю, — то, в чем бы я мог упрекнуть *Бульвар Верности* — это варварский способ обрезки мощных платанов. Было бы гораздо отрадней видеть их великолепно раскинувшимися на английский манер, однако они, к сожалению, ходят своими круглыми и приплюснутыми верхушками на самые обыкновенные овощи. Но воля господина мэ́ра деспотична, и два раза в год все деревья, принадлежащие общине, безжалостно уродуются. Местные либералы утверждают, конечно преувеличивая, что рука официального садовника приобрела еще большую суровость с тех пор, как господин викарий Малон возымел обыкновение завладевать продуктами стрижки.

Этот юный церковнослужитель был прислан из Бездансона несколько лет тому назад для наблюдения за аббатом Шеланом и несколькими окрестными священниками. Старик, отставной хирург итальянской армии, приютившийся в Верьере и бывший, по словам господина мэ́ра, и якобинцем, и бонапартистом, осмелился однажды пожаловаться ему на постоянное уродование прекрасных деревьев.

— Я люблю тень, — ответил господин де Реналь с тем оттенком высокомерия, который допустим в разговоре с отставным хирургом, кавалером ордена Почетного легиона, — я люблю тень и велю подстригать *мои* деревья, чтобы получалась тень; я не понимаю, для чего еще пригодно дерево, если только оно *не приносит дохода*, подобно полезному орешнику.

Вот великие слова, имеющие решающее значение в Верьере, — *приносить доход*; в этих словах воплощен образ мыслей огромного большинства всех его обитателей.

Приносить доход — вот довод, решающий все в этом маленьком городе, показавшемся вам таким красивым. Чужестранец, прибывающий сюда, плененный красотой окружающих Верьер прохладных зеленеющих долин, воображает вначале, что его обитатели восприимчивы к *прекрасному*; они очень часто говорят о красоте своего края, нельзя отрицать, что они придают этому большое значение; но лишь потому, что эта красота привлекает иностранцев, деньги которых обогащают трактирщиков, а вследствие этого *приносят доход* городу.

В один прекрасный осенний день господин де Реналь прогуливался по *Бульвару Верности* под руку со своей женой. Слушая своего мужа, ораторствовавшего с важным видом, госпожа де Реналь беспокойно следила взглядом за движениями трех мальчуганов. Старший, которому было на вид лет одиннадцать, то и дело приближался к парапету и, казалось, собирался на него вскарабкаться. Но тотчас кроткий голос произносил имя Адольфа и ребенок отказывался от своего смелого намерения. Госпоже де Реналь на вид было лет тридцать, она была еще красива.

— Ему придется весьма раскаяться, этому парижскому господину, — говорил господин де Реналь с оскорбленным видом и с побледневшим более обычного лицом. — У меня ведь еще есть влиятельные друзья в Париже...

Но хотя я намереваюсь беседовать с вами о провинции на двухстах страницах, я не буду настолько варваром, чтобы заставить вас выслушать скучнейший и меркантильнейший провинциальный диалог.

Этот «парижский господин», столь ненавистный верьерскому мэру, был не кто иной, как господин Аппер, который два дня тому назад каким-то образом проник не только в тюрьму и в городской дом призрения, но и в больницу, безвозмездно управляемую мэром и главнейшими местными собственниками.

— Но, — заметила робко госпожа де Реналь, — какой вред может причинить вам этот парижский господин, коль скоро вы управляете имуществом бедных с такой щепетильной добросовестностью?

— Он явился затем только, чтобы *навести критику* и потом пропечатать все это в либеральных газетишках.

— Вы же их никогда не читаете, мой друг.

— Но ведь мы слышим об этих якобинских статьях; все это нас отвлекает и *мешает нам делать добро*¹. Что касается меня — я никогда этого не прощу священнику.

III

Попечение о бедных

Un curé vertueux et sans intrigue est une Providence pour le village.

*Fleury*²

Следует сообщить читателю, что священник Верьера, восьмидесятилетний старик, обладавший, благодаря живительному горному воздуху, железным здоровьем и железным характером, имел право посещать во всякое время тюрьму, больницу и даже дом призрения. Так вот,

¹ Историческое выражение.

² Добродетельный кюре, чуждый всяких происков, поистине благодать Божья для деревни. *Флери*.

ровно в шесть часов утра господин Аппер, с рекомендательным письмом к священнику, прибыл из Парижа в этот маленький любопытный город. И тотчас направился к дому священника.

Во время чтения письма, написанного ему маркизом де Ла Модем, пэром Франции, самым богатым местным землевладельцем, священник Шелан пребывал в задумчивости.

— Я стар, и здесь меня любят, — сказал он наконец вполголоса, — они не осмелятся... — и устремил на приезжего из Парижа взгляд, в котором, несмотря на преклонный возраст, горел тот священный огонь, который возвещает об удовольствии совершить хороший, хотя и слегка опасный поступок.

— Отправимся вместе, сударь, но прошу вас, в присутствии тюремщика и в особенности зрителей дома призрения не выражайте вашего мнения относительно вещей, которые мы увидим.

Господин Аппер понял, что он имеет дело с благородным человеком; он последовал за почтенным священником, посетил тюрьму, больницу, дом призрения, задал множество вопросов и, несмотря на странность ответов, не позволил себе выразить ни малейшего осуждения.

Осмотр длился несколько часов. Священник пригласил господина Аппера пообедать, но тот отказался под предлогом писания писем: он более не желал компрометировать своего великодушного спутника. Около трех часов пополудни эти господа отправились довершать осмотр дома призрения и затем снова возвратились к тюрьме. Там они встретили у дверей тюремщика, огромного человека ростом в шесть футов, с кривыми ногами; его гнусная физиономия от страха сделалась крайне отвратительной.

— Ах! сударь, — сказал он священнику, лишь только увидел его, — господин, который с вами, и есть господин Аппер?

— Ну так что ж? — сказал священник.

— А то, что со вчерашнего дня я имею самый точный приказ, присланный господином префектом с жандармом, скакавшим всю ночь, не допускать господина Аппера в тюрьму.

— Объявляю вам, господин Нуару, — сказал священник, — что путешественник, сопровождающий меня, — господин Аппер. Признаёте ли вы, что я имею право посещать тюрьму во всякое время дня и ночи и приводить с собой, кого я хочу?

— Да, господин священник, — ответил тюремщик тихо, опустив голову, подобно бульдогу, который смиряется под угрозой палки. — Но, господин священник, у меня жена и дети, если узнают, что я его пустил, — меня уволят; а я только и живу на жалованье.

— Я тоже не хотел бы лишиться своего прихода, — возразил добрый священник взволнованным голосом.

— Вот уж сравнили! — возразил тюремщик с живостью. — Известно, господин священник, что у вас восемьсот ливров ренты.

Таковы были события, которые, комментируясь и искажаясь на множество ладов, волновали уже два дня обитателей Верьера. Теперь они послужили предметом беседы господина де Реналья с его женой. Утром в сопровождении господина Вально, директора дома призрения, господин де Реналь отправился к священнику, чтобы выразить ему свое живейшее неудовольствие. Господин Шелан покровителей не имел, и он хорошо почувствовал намек.

— Ну что ж, господа, я буду третьим восьмидесятилетним священником, которого сместят в этой округе. Я служу здесь пятьдесят шесть лет; я крестил почти всех жителей города, который был лишь поселком, когда я сюда приехал. Ежедневно я венчаю молодых людей, а когда-то венчал их дедов. Верьер — моя семья; но даже из страха потерять ее я не пойду на сделку с совестью и не изменю своему духовному наставнику; я сказал себе, увидав приезжего: «Этот человек из Парижа,

быть может, и вправду либерал, но какой вред может он причинить нашим беднякам и нашим заключенным?»

Упреки господина де Реналья и в особенности господина Вально, директора дома призрения, становились все ожесточеннее.

— Ну что ж, господа, велите меня сместить! — воскликнул престарелый священник дрожащим голосом. — Я все равно останусь здесь жить. Сорок восемь лет тому назад мне досталась по наследству земля, приносящая восемьсот ливров, — я буду жить этим доходом. Я не имею побочных доходов на этом месте, господа, и, должно быть, потому я не пугаюсь, когда мне угрожают его потерю.

Господин де Реналь жил дружно со своей женой; но, не найдя, что ответить на робко повторяемый ему вопрос: «Какой вред этот парижский господин может причинить заключенным?» — он готов был окончательно рассердиться, как услышал ее крик. Второй из ее сыновей вскарабкался на парапет и побежал по нему, хотя стена террасы возвышалась более чем на двадцать футов над виноградником, находящимся по другую сторону. Боязнь, что сын испугается и упадет, мешала госпоже де Реналь позвать его. Наконец ребенок, радовавшийся своей удали, взглянул на мать и, увидев ее побледневшее лицо, спрыгнул с парапета и побежал к ней. Его разбранили.

Это маленькое происшествие изменило ход беседы.

— Решительно я хочу взять к себе Сореля, сына лесопильщика, — сказал господин де Реналь. — Он будет присматривать за детьми, которые становятся не в меру резвыми. Это молодой священник, а потому и хороший латинист, он заставит детей учиться; священник говорит, что у него твердый характер. Я дам ему триста франков и содержание. Я несколько сомневался насчет его нравственности, ибо он был любимцем этого старого лекаря, кавалера Почетного легиона, который, считая себя кузеном Сореля, поселился на хлебником у него

в доме. Разумеется, этот человек мог быть тайным агентом либералов; он говорил, что горный воздух полезен для его астмы; но это, однако, не доказано. Он сопровождал *Буонапарте* во всех его походах в Италии и даже, говорят, подавал голос против империи когда-то. Этот либерал обучал латыни сына Сореля и оставил ему множество книг, которые привез с собою. Конечно, я никогда не мечтал пригласить сына плотника к нашим детям; но священник как раз накануне события, рассорившего нас навсегда, говорил мне, что этот Сорель изучает уже три года теологию, имея в виду поступить в семинарию; значит, он не либерал и, кроме того, знает латынь.

— Это устраивает нас как нельзя лучше, — продолжал господин де Реналь, поглядывая на жену с видом дипломата. — Вально очень гордится своими двумя нормандскими кобылами, которых он купил для коляски. Но у него нет воспитателя для детей.

— Но он может перехватить у нас его.

— Так ты одобряешь мое намерение? — сказал господин де Реналь, награждая свою жену улыбкой за прекрасную идею, пришедшую ей в голову. — Ну, значит, решено.

— Ах, господи, милый друг, как ты торопишься с решениями!

— Это потому, что у меня есть характер, и священник в этом убедился. Не будем скрывать от себя — мы здесь окружены либералами. Все эти торгаши мне завидуют, я не сомневаюсь; некоторые из них уже разбогатели; так пускай они посмотрят, как дети господина де Реналья идут на прогулку в сопровождении воспитателя. Это внушит им почтение. Мой дед часто рассказывал нам, что в молодости у него был воспитатель. Он обойдется мне в сотню экю, но на это надо смотреть как на необходимый расход для поддержания нашего положения.

Это внезапно принятое решение заставило госпожу де Реналь задуматься. Она была высокая, хорошо сложенная женщина, «краса нашего края», как говорят здесь.

Ее отличали простосердечный вид, моложавая походка, и в глазах парижанина эта наивная грация, полная невинности и живости, таила бы, пожалуй, сладострастие... Но, получи она такую репутацию, госпожа де Реналь была бы этим весьма сконфужена. И кокетство, и притворство равно были ей чужды. Господин Вально, богатый директор дома призрения, считался ее безуспешным вздыхателем, что высоко вознесло ее добродетель в глазах жителей города, ибо господин Вально, высокий мужчина, статный, с румяным лицом и густыми черными бакенбардами, представлял собой одно из тех наглых и шумливых существ, которых в провинции называют красавцами-мужчинами.

Госпожу де Реналь, особу застенчивую и, по-видимому, характера очень неровного, особенно раздражали постоянная подвижность и громовой голос господина Вально. Отвращение, которое она питала к тому, что в Верьере называется весельем, снискало ей репутацию гордячки, кичащейся своим происхождением. Об этом она, впрочем, мало думала, но была очень довольна тем, что обитатели города стали меньше ее посещать. Не будем скрывать, что она слыла дурочкою в глазах местных дам, ибо не лукавила в отношении своего мужа и не пользовалась случаем получить восхитительную шляпку из Парижа или Безансона. Она ничего не просила, лишь бы ей не мешали бродить по ее прекрасному саду.

Это была наивная душа, не помышлявшая никогда осуждать мужа или сознаться себе самой, что ей с ним скучно. Она полагала, хотя и не слишком об этом задумываясь, что между мужем и женою не может существовать лучших отношений. В особенности она любила слушать, как господин де Реналь строил проекты будущего их детей, одного из которых он предназначал к военной карьере, другого — к юридической, а третьего — к духовной. Вообще, она находила господина де Реналья гораздо менее скучным, чем всех прочих знакомых мужчин.

Мнение супруги имело основание. Мэр Верьера обязан был своею репутацией остряка и в особенности светского человека полудюжине анекдотов, унаследованных им от дяди. Старый капитан де Реналь служил до революции в отряде инфантерии герцога Орлеанского и был принят в Париже в доме наследного принца. Там он увидел госпожу де Монтессон, знаменитую госпожу де Жанлис, господина Дюкре, изобретателя из Пале-Рояля. Все эти личности весьма часто фигурировали в анекдотах господина де Реналья. Но с годами рассказывать столь деликатные вещи становилось ему все затруднительней, и с некоторых пор он стал вспоминать только в самых исключительных случаях анекдоты из жизни дома герцога Орлеанского. К тому же он был всегда весьма учтив, за исключением тех случаев, когда речь шла о деньгах, и потому не без основания считался самым большим аристократом в Верьере.

IV

Отец и сын

E sarà mia colpa,
Le così?..

*Machiavelli*¹

— У моей жены отличная голова! — говорил на следующий день в шесть часов утра верьерский мэр, направляясь к лесопильне папаши Сореля. — Хотя я сам завел этот разговор для поддержания авторитета, однако не подумал, что, если я не возьму этого аббата Сореля, который, говорят, знает латынь, как ангел, директор дома призрения, с его беспокойным характером, может также возыметь эту идею и перехватить его у меня. С каким самодовольством он стал бы говорить о настав-

¹ И моя ли эта вина, если это действительно так? *Макиавелли*.

нике своих детей!.. Но не вздумает ли этот наставник, поступив ко мне, носить сутану?

Господин де Реналь погрузился в эти размышления, когда увидел издали крестьянина, почти шести футов ростом, который с раннего утра был поглощен измерением бревен, сложенных вдоль Ду, по дороге к базару. Крестьянин не обрадовался, увидав приближающегося господина мэра, ибо эти бревна заграждали дорогу и сложены были там, где не полагалось.

Папаша Сорель, ибо это был он, очень удивился и еще более обрадовался странному предложению, которое господин де Реналь сделал ему относительно его сына Жюльена. Тем не менее он выслушал его с печальным и равнодушным видом, которым так искусно маскируют свою хитрость обитатели этих гор. Рабы времен испанского владычества, они сохранили до сих пор эту черту египетского феллаха.

Ответ Сореля заключался прежде всего в долгом перечислении всех формул почтения, которые он знал наизусть. И в то время как он повторял эти пустые слова с неловкой улыбкой, подчеркивавшей фальшивое, почти мошенническое выражение его лица, деятельный ум старого крестьянина старался угадать, какие причины могут заставить такого влиятельного человека брать к себе его негодного сына. Он был очень недоволен Жюльеном, а за него-то господин де Реналь и предлагал ему неожиданную сумму в триста франков ежегодно, с содержанием и даже с одеждою. Последнее условие, которое отец Сорель выдвинул в первую очередь, было, однако, принято господином де Реналем.

Это требование озадачило мэра. «Если Сорель не восхищен его предложением свыше меры, как должен, то ясно как божий день, — сказал он себе, — что ему сделано подобное предложение со стороны; и откуда же оно могло исходить, как не от Вально?» Напрасно господин де Реналь хотел заставить Сореля немедленно покончить с делом: хитрый старик упрямо воспротивился; он хотел, по его словам, посоветоваться с сыном, точно в провин-

ции богатый отец когда-нибудь советуется — если только не ради проформы — с сыном, у которого ничего нет.

Водяная лесопилка помещается в сарае на берегу ручья. Крыша лежит на стропилах, опирающихся на четыре толстых деревянных столба. В восьми или десяти футах над полом, посреди сарая, поднимается и опускается пила, а весьма простой механизм подталкивает к ней бревно. Ручей приводит в движение колесо, оно и управляет этим двойным механизмом, — тем, что поднимает и опускает пилу, и тем, что легонько подталкивает бревно к пиле, распиливающей его на доски.

Подойдя к своей мастерской, папаша Сорель начал громко звать Жюльена, но никто не отвечал. Он увидел только старших своих сыновей, похожих на великанов; вооруженные тяжелыми топорами, они обтесывали еловые стволы, прежде чем отнести их к пиле. Стараясь попасть точно на черную отметку, сделанную на деревьях, они обрубали взмахами топора огромные щепы. Голоса отца они не слышали. Последний направился к сараю, но, войдя туда, он не увидел Жюльена на должном месте возле пилы. Тот сидел на одной из балок кровли, выше пятью-шестью футами. Вместо того чтобы внимательно следить за механизмом, Жюльен читал. Ничего не могло быть более ненавистного для старика Сореля; он еще, пожалуй, простил бы Жюльену его щуплое сложение, малоподходящее к физическому труду и так отличавшее его от старших братьев, но эта мания чтения была ему отвратительна: сам он не знал грамоты.

Тщетно окликнул он Жюльена два или три раза. Внимание, с которым молодой человек предавался чтению, более, чем шум пилы, мешало ему услышать грозный голос отца. Наконец, несмотря на свой возраст, старик проворно вскочил на бревно, лежавшее под пилою, и оттуда — на поперечную балку, подпиравшую крышу. От сильного удара книга, которую держал Жюльен, полетела в ручей; от второго, не менее сильного удара в голову он потерял равновесие. Он упал бы на двенадцать или пятнадцать футов вниз на рычаги машины, которые

исковеркали бы его, если бы отец при падении не удержал его левой рукою.

— Ну что ж, лентяй! Так и будешь читать свои проклятые книги вместо того, чтобы наблюдать за пилой? Читай их на доброе здоровье вечером, когда теряешь время у кюре.

Жюльен, оглушенный затрециной и окровавленный, направился к своему служебному посту возле пилы. Слезы выступили у него на глазах — не столько от физической боли, сколько от огорчения из-за потери книги, которую он обожал.

— Спускайся, скотина, я с тобой поговорю.

Шум машины снова помешал Жюльену услышать этот приказ. Его отец уже спустился вниз, не желая утруждать себя новым подъемом, схватил длинную жердь, служившую для сбивания орехов, и ударил ею сына по плечу. Лишь только Жюльен спустился на землю, как старик Сорель, грубо подгоняя его, толкнул по направлению к дому. «Бог знает, что он со мной сделает!» — сказал себе молодой человек. Проходя мимо, он с грустью поглядел на ручей, куда упала его книга; это была его любимая книга — «Мемориал Святой Елены».

Щеки его пылали, глаза были опущены. Это был юноша невысокого роста, лет восемнадцати-девятнадцати, на вид слабый; черты лица его были неправильны, но тонки; нос с горбинкою. Большие черные глаза, в спокойные минуты выражавшие вдумчивость и страстность, в этот момент пылали самой яростной ненавистью. Темно-каштановые волосы, росшие очень низко, суживали его лоб, что в минуты гнева придавало ему злое выражение. Среди бесчисленных разновидностей человеческих лиц, быть может, нет ни одного, которое бы отличалось такой разительной особенностью. Тонкая и стройная фигура его обнаруживала скорее легкомыслие, чем энергию. С детства его чрезвычайно задумчивый вид и сильная бледность внушили его отцу мысль, что он не жилец, а если и будет жить, то в тягость семье. Предмет насмешек

СТЕНДАЛЬ
КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.04.2024.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 30,4. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург к. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

A-AMC-12171-14-R